

Гилберт К. Честертон

**Человек с Золотым Ключом:
автобиография**

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

Перевод с английского
Наталии Трауберг

Честертон, Г. К.

Человек с Золотым Ключом. Автобиография: Биографический роман / Гилберт Кит Честертон. Перевод с англ. и комментарии Н. Л. Трауберг. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021. — 322 с.

ISBN 978-5-521-74846-4

Мемуарная проза Гилберта К. Честертона представлена автобиографической повестью «Человек с Золотым Ключом», которую великий англичанин закончил перед самой смертью. Как говорит сам автор: «Я верю, что есть ключ, открывающий все двери. И как только я подумаю о нем, передо мной встает мое детство, когда дивный дар пяти чувств впервые открылся мне, и я вижу человека на мосту с ключом в руке...». В книге воспоминаний Честертон рассказывает о «собратьях по цеху», о политических и социальных событиях того бурного времени, в которое ему довелось жить и стать ярчайшим писателем Англии, а также подведение итогов литературных и жизненных поисков.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Перевод. Н. Л. Трауберг,
наследники, 2021

© Комментарии. Н. Л. Трауберг,
наследники, 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ISBN 978-5-521-74846-4

Глава первая

По слухам

Слепо преклоняясь перед авторитетом и преданием, суеверно принимая то, что не могу проверить ни разумом, ни опытом, я не сомневаюсь, что родился 29 мая 1874 года, в Кенсингтоне, на Кэмден-хилл, а крестили¹ меня по канонам англиканства в маленькой церкви св. Георгия, напротив которой стоит водонапорная башня. Соседства этих зданий я не подчеркиваю и гневно отрицаю, что только вся вода Западного Лондона могла сделать меня христианином.

Башне этой предстояло сыграть роль в моей жизни, о чем я еще расскажу. Те времена уже связаны с моим личным опытом, тогда как рождение, скажу снова, я принимаю на веру, словно темный крестьянин, поскольку знаю о нем от других; и, прежде чем перейти к тому, что я

¹ Честертон крестили 1 июля, назвали Гилбертом в честь крестного отца Томаса Гилберта. Второе имя — фамилия его бабушки по материнской линии (см.).

видел, посвящу короткую главу тому, о чем я слышал. Конечно, свидетельство отцов, точнее — свидетельство людей, можно оспорить, что и делают в бэконинанской дискуссии или библейской критике. Быть может, я родился совсем не там. Быть может, я потерянный наследник Священной Римской империи или дитя трущоб, выброшенное в Кенсингтоне, где и развились мои преступные наклонности. Нетрудно применить к моему появлению методы, применяемые к сотворению мира, и прийти к выводу, что я вообще не рождался. Однако мне приятнее думать, что и у меня, и у читателя есть разум, а потому он терпеливо вынесет скучный перечень сведений.

Родился я в почтенной, но честной семье, другими словами — в том мире, где слово «почтенный» еще не всегда было ругательством и сохраняло неясную связь со словом «читать». Уже в моей юности это менялось, что явствует из одного услышанного мной разговора. Мой отец, человек спокойный, веселый и умелый, сказал, что ему предложили войти в приходской совет, а мать, женщина порывистая и довольно мятежная на уровне чутья, вскрикнула: «Ой, Эдвард, не надо! Ты будешь таким почтенным! Мы же не были почтенными, стоит ли начинать?» На что отец мягко ответил: «Дорогая, ты рисуешь очень мрачную картину. Неужели мы никогда не были достойны почтения?» Те, кто читал «Гордость и предрассудок»¹, заметят, что в моем отце было что-то от мистера Беннета, а мать ничуть не походила на миссис Беннет.

¹ «Гордость и предрассудок» («Гордость и предубеждение») — роман Джейн Остин (1775–1817), изданный в 1813 г.

Словом, мои родители принадлежали к довольно старомодному слою английского общества, где дельцу еще дозволялось заниматься своим делом. Им и не мерещилось просвещенное и дерзновенное мнение, согласно которому он крушит, подминает и глотает других. Отец был либералом того толка, который предшествовал социалистам. Для него само собой разумелось, что все нормальные люди признают частную собственность; однако он и не пытался придавать ей хищный оттенок. Семья его была из тех, которые обычно процветают, но в современном смысле слова не отличалась предприимчивостью. Сам он стоял во главе фамильного дела, связанного с недвижимостью и основанного в том же Кенсингтоне за три поколения до него. Насколько я помню, их отличал местный патриотизм; старики не сразу согласились завести отделения в других местах. Эта безвредная гордость очень характерна для поколения деда. Помню, как однажды она привела к недоразумению, которого бы не было, если бы он не гордился втайне своим положением и даже местонахождением. Случай этот поможет понять самый дух тех лет.

Отец моего отца был красивым старцем с седой бородой. Манеры его отличались той величавостью, которая связана с провозглашением тоста. Он не изменил христианскому обычаю застольного пения и с исключительным достоинством пел «Изящный старый джентльмен» или более бравурные песни времен Трафальгара и Ватерлоо¹. Замечу мимоходом, что, дожив до шовинизма, я

¹ *Трафальгар и Ватерлоо* — крупнейшие сражения с войсками Наполеона. Морской бой при Трафальгаре — 1805 г., битва при Ватерлоо — 1815 г.

сохранил уважение к старым и бравым патриотическим песням. Мне кажется, английской словесности полезней строки о Веллингтоне у смертного одра Вильгельма IV:

Победу славилa вся земля¹,
Но ангел смерти ждал короля, —

чем то, что лет через двадцать завывали в мюзик-холлах:

Мы побеждаем всех врагов,
Солдаты ко-ро-ле-е-вы!

Я смутно подозреваю, что достоинство связано со стилем. Во всяком случае повадки и песни времен моего деда были достойными. Однако при всей приверженности к торжественной манере дед несколько удивился, когда к нему в контору пришел незнакомец и, поговорив с моим отцом, тихо спросил, удостоят ли его знакомства со старшим партнером. Потом, благоговейно приблизившись к деду, он отвесил глубокий поклон и почти-тельно произнес:

— Сэр, вы наша гордость. Вы — памятник!

Слегка польщенный дед учтиво проорчал, что его фирма и впрямь давно известна в Кенсингтоне.

— Вы — историческая личность, — не унимался посетитель. — Вы изменили судьбы церкви и государства.

Дед еще как-то признавал, что таким поэтическим способом можно описать хорошую фирму, но отец, раз-

¹ Король Вильгельм IV (правил с 1830 по 1837 г.) был тяжело болен в тот день, когда праздновали годовщину битвы при Ватерлоо (18 июня). Умер он на два дня позже, и королевой стала его 19-летняя племянница Виктория (ум. в 1901 г.).

бравшийся в церковных делах, вдруг вспомнил процесс «Уэстертон против Лиделла», на котором церковный староста обвинял викария в самых темных злодеяниях папизма, скажем — в приверженности к стихарям.

— Надеюсь, — продолжал гость, обращаясь к столпу протестантства, — теперь у вас в приходе все так, как вы хотите.

Дед благосклонно сообщил, что он не слишком озабочен церковными делами. Гость растерялся, и отец объяснил тонкое различие между Уэстертоном и Честертоном. Рассказывая об этом, дед непременно замечал, что к последней своей фразе прибавил: «...Если все идет по чину»; но скептики, как ни печально, считали это интерполяцией.

Однако главное в том, что дед не очень удивился, когда его назвали памятником. В том далеком мире это было типично для среднего класса, даже для мелких дельцов. С тех пор данный вид английской bourgeoisie так изменился или измельчал, что я даже не знаю, есть ли он. В Англии вроде бы нет, а в Америке и не было. Средний класс действительно был классом и находился посередине. К счастью и к несчастью, иногда преувеличивая, он отделял себя и от тех, кто ниже, и от тех, кто выше. О рабочих классах он слишком мало знал, что очень плохо отозвалось на следующем поколении. Он почти ничего не знал даже о собственных слугах. Моя семья хорошо обращалась с ними, но сословие, как таковое, не ведало ни демократического панибратства, которое отличает крикливых европейских хозяек, ни феодального дружелюбия, которое еще можно встретить у настоящей знати. Приведу пример, известный мне по

слухам. Наша родственница приехала к друзьям, когда их не было. Стряпал для нее кто-то из старших слуг, скажем — кухарка. Она твердо знала, что слуги стряпают себе отдельно, а кухарка твердо знала, что они доедают оставшееся от хозяев, и посылала утром наверх пять ломтиков ветчины. Гостья, страдавшая еще одним тогдашним предрассудком, полагала, что ничего нельзя расходовать впустую, не замечая, что съеденное против воли израсходовано именно так. Она съедала все ломтики, назавтра получала семь и, немного побледнев, шла стезею долга. Ощущая, что и ей пора поесть, кухарка отправляла штук девять. Дама, собрав все силы, кидалась на них и сметала их с поля битвы. Так и шло, поскольку два сословия сохраняли учтивое молчание. Не смею представить, чем это кончилось. По логике, кухарка должна была зачехнуть, а дама — лопнуть. Наверное, разные этажи все-таки вступили в переговоры. Как бы то ни было, слабое место того мира в том, что его чувствительность не распространялась на слуг. Викторианец усмехался, читая о вассалах, сидевших на нижнем конце стола, и не замечал, что его челядь живет почти под землей.

Но как бы мы его ни осуждали, как бы охотно ни подхватывали бессмертные слова песни будущего, звучащие, по слухам, так:

Мы про-ле-та-ри-ат обожествляем,
А вот буржуазию пре-зи-ра-ем! —

он тоже имеет право на историческую справедливость. Говоря о среднем классе той поры, можно припомнить не только его отношения с «низшими». К примеру, он

овладел культурой, а потому слишком боялся «грубых влияний». Он пекся о том, чтобы правильно писать и правильно говорить, и это ему удавалось. Со свойственной детям хитростью я рано заметил, как боятся старшие, что я перейму говор слуг. Если верить преданию, года в три-четыре я хотел гулять без пальто и в пароксизме гнева привел сокрушительный довод: «А то я скажу без пальта».

Забота о чистоте речи, которую сейчас я могу и бранить, имела хорошую сторону. Мой отец знал наизусть всю английскую литературу, и я многое запомнил гораздо раньше, чем понял. Я повторял белый стих Шекспира, не догадываясь о смысле; может быть, так и надо любить стихи. По слухам, лет в шесть или семь я пылко читал на улице:

Любезный Гамлет, отжени печаль
И погляди на Данию с улыбкой.
Достойно ли, потупив очи долу,
Искать во прахе своего отца?

На этих словах, споткнувшись, я упал лицом вниз.

Еще меньше ценят то, что средний класс резко отделял себя не только от «низших», но и от «высших». Позже, как ни жаль, он распался на снобов и умников. Первые хотят пролезть в общество, вторые войти в общества — вегетарианские, социалистические или еще какие-нибудь. Те, о ком я пишу, не были ни безумцами, ни выскочками. Конечно, снобы попадались, но держались особняком. Вообще же со знатью общались только по делу. Теперь и не поверишь, но средний класс был слишком горд для снобизма.

К примеру, вся эта часть Кенсингтона похожа на карту или план к очеркам Маколей¹. Мы их, конечно, читали и, по своей простоте, даже им верили. Мы знали по именам тех знатных вигов, которые совершили переворот² (случайно на этом нажившись), а имена эти рассыпаны по всему Кенсингтону. Каждый день мы проходили мимо Холланд-парка, где Маколей некогда бывал, и видели статую лорда Холланда³, а также ту надпись, в которой он хвалится родством с Фоксом⁴ и дружбой с Грэем⁵. Напротив дома, куда я переехал в детстве, была улица Аддисона⁶, а самое место, где дом стоял, носило имя Уоррика, который приходился Аддисону пасынком. Дальше, к югу, появлялось имя Расселов, еще южнее — имя Кромвела.

¹ Лорд Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) — английский историк и поэт.

² Речь идет о так называемой «славной революции» 1688 г., когда вигам, предшественникам либералов, удалось сравнительно мирно отстранить от власти короля Иакова II (правил с 1685 г.) и посадить на трон его дочь Марию с мужем Вильгельмом Оранским (Мария II, ум. 1694, и Вильгельм III, ум. 1702).

³ Лорд Холланд; Холланд-Хаус — Генри Фокс, 1-й барон Холланд, купил в 1747 г. дом с парком, построенный в первой половине XVII в. В конце XVIII — начале XIX вв. там был либеральный литературно-политический салон, который посещали многие знаменитости от Ричарда Шеридана (1751–1816) до Чарльза Диккенса (1812–1871).

⁴ Сэр Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806) — сын барона Холланда, крупнейший политический деятель.

⁵ Граф Чарльз Грей (1764–1845) — английский государственный деятель, в 1830–1834 гг. был премьер-министром.

⁶ Джозеф Аддисон (1672–1719) — английский поэт, драматург и эссеист, выпускавший вместе с сэром Ричардом Стилом (1672–1729) сатирические журналы «Тэтлер» и «Спектейтор».